

Памяти моих учителей

Содержание

Предисловие переводюги	9
Пролог	12
1 Что такое перевод?	15
2 Можно ли обойтись без перевода?	18
3 Почему мы называем это переводом?	33
4 Что говорят о переводе	47
5 Иллюзии иностранного: парадокс иностранного звучания	54
6 Свободное владение: вы действительно владеете родным языком?	72
7 Значение — вещь непростая	82
8 А со словами вообще беда	97
9 Разберемся со словарями	111
10 Миф о буквальном переводе	121
11 Вопрос доверия: длинная тень устного перевода	137
12 Подгонка по фигуре	153
13 Принцип выразимости: что невозможно сказать, невозможно и перевести	171
14 Сколько у нас слов для обозначения кофе?	183
15 Библии и бананы: переводы по вертикали	195
16 Влияние переводов	212
17 Третий код: перевод как диалект	221

ЧТО ЗА РЫБКА В ВАШЕМ УХЕ?

18	Язык — не остров. Как же быть с ЛЗ?	228
19	Глобальные потоки: центр и периферия в переводах книг	235
20	Права человека: создание международной правовой системы и перевод	251
21	<i>Ceci n'est pas une traduction</i> : равноправие языков в ЕС	266
22	Перевод новостей	280
23	Приключения машинного перевода	286
24	Рыбка в вашем ухе: краткая история синхронного перевода	300
25	«Попробуй повтори»: перевод комического	315
26	Стиль и перевод	324
27	Перевод художественной литературы	336
28	Что делают переводчики	347
29	Отбивка границ: чем перевод не является	358
30	Огонь по своим: перевод под прицелом	364
31	Совпадение, похожесть и соответствие: правда о переводе	369
32	«Аватар» — притча о переводе	374
	Вместо эпилога: послеавилонское столпотворение	376
	Объяснения и благодарности	392
	Примечания	394
	Уведомление об обладателях авторских прав	411

Предисловие переводюги

«О переводчиках или ничего, или плохо», — прозвучало на днях за переводческим круглым столом. Там же сказали, что общество, которое еще недавно полностью игнорировало наличие переводчиков — неужели наш родной Ремарк писал по-немецки? — ныне плавно переместилось на новые рубежи: руки бы оторвать этому переводчику (наиболее гуманное решение). Еще немного, и «переводюги» займут достойное место в ряду мишеней для общественного негодования — где-то рядом с «журналюгами». Это, а также прозвучавший за тем же круглым столом призыв чаще приглашать читателя на переводческую кухню, подтолкнуло меня к написанию данного предисловия.

С книгой «Is That a Fish in Your Ear?» основная проблема в том, что она не просто написана по-английски, но и прямо адресована англоязычным читателям как наиболее ущербным в смысле знакомства с иностранными языками. Ведь все в мире переводится на английский — так к чему заморачиваться? Поэтому среди них — больше, чем среди носителей других языков, — распространено убеждение, что все языки устроены одинаково и что перевод сводится к однозначной

подстановке иноязычных эквивалентов. Отсюда закономерно следует, что с такой подстановкой лучше и быстрее справляется компьютер, а человек задержался на этой механической должности лишь по недоразумению.

Поэтому при переводе этой книги надо было все время держать в уме, что меняется не только язык, но и целевая аудитория. Простой пример. Автор пишет: «Ниже приведены отрывки, **не** написанные Уильямом Вордсвортом, Т. С. Элиотом и Д. Д. Сэлинджером, но достаточно лишь смутных школьных воспоминаний, чтобы понять, какой из них написан в духе Элиота, Сэлинджера или “озерной школы”».

Многим ли из нас смутные школьные воспоминания позволят опознать стиль «озерной школы»? Сэлинджер, конечно, шире известен в России. Однако тут кроется другой подводный камень: большинство читателей узнали бы его в стилизации под Райт-Ковалеву, а вот если бы отрывок был стилизован под перевод Махова или Немцова?

Понятно, что для переориентации книги на новую аудиторию переводчику приходится местами менять текст, исходя из собственных субъективных представлений о будущих читателях. Также понятно изумление, а то и возмущение читателя, встретившего в переводной книге примеры из Некрасова и Зощенко. Хочу сразу же заверить, что все подобные замены согласованы с автором, который позволил переводчику ни в чем себе не отказывать и по мере сил адаптировать текст к русской культуре. Ведь задача Дэвида Беллоса — рассказать о переводах читателям, приводя понятные им примеры.

И еще один упрек (в ряду многих других) можно предвидеть заранее. «Какой неуклюжий англицизм: *Что за рыбка в вашем ухе?*! — скажет каждый второй читатель. — По-русски было бы естественнее: *Что за рыбка у вас в ухе*». Согласна. Но как бы вы тогда узнали, что речь идет не о рецепте ухи?

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЮГИ

Еще одна мысль, прозвучавшая за круглым столом: переводчикам нужна среда общения. В докомпьютерную эпоху переводчик вставал из-за пишущей машинки только для того, чтобы достать с полки словарь или пойти в библиотеку. Круг его профессионального общения был в основном ограничен лично знакомыми коллегами. Теперь же к нашим услугам все ресурсы интернета, включая профессиональные форумы, на которых общаются переводчики со всего мира. Благодаря этому я имею счастье удаленно сотрудничать с Евгенией Канищевой, переводчиком и редактором высшей квалификации и ангельского терпения, а также воспользоваться профессиональными советами редакторов-волонтеров Алексея Глуценко и Ксении Панёвкиной, получить консультации по восточным языкам у Ирины Книжник, а по белорусскому — у Сяргея Шупы. Непонятные места английского текста нам пояснил сам автор из своего принстонского далека, а справиться с переложением книги на русский помогли участники списка рассылки Руслантра (<https://groups.yahoo.com/neo/groups/ruslantra>). Всем огромное спасибо!

Наталья Шахова
декабрь 2018 г.

Пролог

Во времена моего студенчества в нашем колледже ходили слухи о молодом преподавателе Харрисе, отказавшемся вести занятия по переводу, поскольку, утверждал он, ему непонятно, что такое «перевод». Он требовал, чтобы руководство кафедры объяснило, чему он должен учить. Но это же всем понятно, отвечали ему, у нас тут переводу веками учат.

Но знать, как сохранить академическую традицию, — это одно, а понимать, что ты делаешь, — совсем другое. Не братья же Харрису за предмет, которому начальство не может даже дать определение!

Нас это страшно веселило: с помощью философского парадокса младший преподаватель избавился от рутины и заткнул за пояс корифеев.

Однако, несмотря на то что в начале моей взрослой жизни вопрос Роя Харриса поставил всех в тупик, сам я уже несколько десятков лет отваживаюсь вести занятия по переводу, да и книг перевел немало. А еще стал директором программы по переводу и межкультурным коммуникациям. Так что пора бы и попытаться ответить на этот вопрос.

Только отвечать легче на хорошо поставленные вопросы. От вопроса «что такое...?» мало толку. Обычно он вызывает лишь мелочное копание в нюансах значений слов.

Значение слова *перевод* безусловно представляет интерес, и я посвятил этому вопросу одну из глав. Гораздо важнее, однако, другие вопросы, которые возникают независимо от того, какое слово мы используем.

Вот некоторые из них: что можно узнать из перевода? Чему он нас учит?

А вслед за ними в голову сразу приходят и другие: что нам уже известно о переводе? Что еще нам нужно узнать о нем?

Или вот еще: что имеют в виду люди, рассуждая о том, как лучше переводить? Всегда ли перевод — это один и тот же процесс или при разных видах перевода производятся разные операции? Отличается ли перевод принципиально от письма и говорения или же это просто еще один аспект вечной загадки: как мы понимаем, что имеет в виду другой человек?

В этой книге я не учу переводить и не рассказываю, как перевожу я. На эту тему есть гора прекрасных книг, и нет нужды добавлять к этой горе свой камешек.

Я собрал здесь истории, примеры и доводы, помогающие разобраться в главном, как мне кажется, вопросе: что *делает* перевод.

Я попытался охватить всю картину целиком, исследуя роль перевода в культурной, социальной и других сферах человеческой жизни. Для этого я проштудировал груды учебников и статей, опросил толпы знакомых экспертов, но зачастую опирался и на собственный опыт.

Поскольку вырос я в Англии, а живу в США, в фокусе этой книги неизбежно оказался англоязычный мир.

Поскольку английский язык сейчас доминирует в международном общении, его носителям, не связанным с пе-

ЧТО ЗА РЫБКА В ВАШЕМ УХЕ?

реводческой деятельностью, понятие перевода дается труднее, чем всем остальным. В основном поэтому я и собрался о нем написать.

Выясняя, что делал перевод раньше и теперь, что и почему о нем говорили, сводится ли перевод к единому процессу или подразделяется на разные, мы совершим путешествие во времени и пространстве, переносясь из Шумера в Брюссель и Пекин, обратимся к комиксам и классической литературе, углубимся в дебри таких разных дисциплин, как антропология, лингвистика и информатика. При попытке понять, что *делает* перевод, возникает столько разных вопросов, что вопрос о том, в чем он вообще заключается, можно на время отложить в сторонку.

1

Что такое перевод?

Дугласу Хофштадтеру, ученому-когнитивисту из Индианского университета, очень нравилось вот такое короткое стихотворение французского поэта и остролова Клемана Маро:

Ma mignonne,
Je vous donne
Le bon jour;
Le sejour
C'est prison.
Guerison
Recouvrez,
Puis ouvrez
Votre porte
Et qu'on sorte

Vitement,
Car Clement
Le vous mande.
Va, friande
De ta bouche,
Qui se couche
En danger
Pour manger
Confitures;
Si tu dures

Trop malade,
Couleur fade
Tu prendras,
Et perdras
L'embonpoint.
Dieu te doit
Sante bonne,
Ma mignonne.

Милая крошка
Больна немножко.
Больница — тюрьма,
Поймите сама!
Под взором врачей
Лечитесь скорей.
Дверь распахните,
Радость вдохните,
И хватит лежать,
Покиньте кровать,

Улучив момент!
Пишет Клемент:
«Опять в постели?
Ты, милая, в теле
Была до сего.
Поешь-ка чего:
Варенья иль джем —
С тобой я поем —
Конфеток иль мед.
Опасность пройдет!

Скинешь сорочку,
Бледную щечку
Скрасит румянец,
Пустишься в танец,
Дико ликуя.
Бога молю я,
Глядя в окошко,
Милая крошка!
*Пер. с фр. Аси
Перельцавайг.*

Хофштадтер разослал его множеству своих друзей и знакомых и попросил перевести на английский, соблюдая по возможности формальные свойства оригинала, которые описал так:

- 1) двадцать восемь строк,
- 2) по три слога в каждой,
- 3) рифмованные двустипшия,
- 4) последняя строчка совпадает с первой,
- 5) по ходу стихотворения формальное *вы* сменяется неформальным *ты*,
- 6) в стихотворение включено имя поэта [1].

В следующие несколько лет Хофштадтер получил десятки переводов. Будучи совершенно разными, все они, несомненно, были переводами стихотворения Маро. Этим простым опытом Хофштадтер продемонстрировал одно из самых странных и удивительных свойств перевода: каждое высказывание нетривиальной длины может быть переведено различными способами; для каждого высказывания есть бесчисленное множество приемлемых переводов.

С прозой результат был бы таким же. Дайте сотне квалифицированных переводчиков страницу текста — и шансы, что хотя бы два перевода полностью совпадут, окажутся близки к нулю. Из-за этой особенности межъязыковой коммуникации многие считают, что тема перевода не представляет никакого интереса, поскольку перевод всегда приблизителен и, следовательно, второсортен. Именно поэтому слово «перевод» не служит названием традиционной академической дисциплины, хотя среди переводчиков много ученых из других областей. О каких теориях и законах процесса можно говорить, если он дает неопределенные результаты?

ЧТО ТАКОЕ ПЕРЕВОД?

Однако я, как и Хофштадтер, считаю иначе. Многообразие переводов — яркое свидетельство бесконечной гибкости человеческого мышления. Вряд ли на свете есть тема интереснее.

Чем же на самом деле занимаются переводчики? Сколько разновидностей перевода существует? Что говорят нам проявления этой загадочной способности о человеческих сообществах прошлого и настоящего? Какое отношение имеют переводы к использованию языка вообще и к нашим представлениям о языке?

Вопросы такого рода я и рассматриваю в этой книге. Давайте сначала разберемся, о чем именно мы говорим, а определения, теории и законы пока отложим в сторону. Они не помогут нам решить, хорош, плох или нейтрален приведенный ниже английский перевод стихотворения Маро (один из нескольких, сделанных самим Хофштадтером). Тут все наоборот. Пока мы не сможем объяснить, почему это стихотворение можно считать переводом, мы вообще не знаем, что имеем в виду, когда говорим слово *перевод*.

Gentle gem,	From your oyster bed, coy	Than fourteen,
Diadem,	Little pearl.	Silv'ry queen —
Ciao! Bonjour!	See, blue girl,	But no more
Heard that you're	Beet-red ruby's your hue.	'ntwenty-four,
In the rough:	For your aches,	Golden dream.
Glum, sub-snuff.	Carat cakes	How you'll gleam!
Precious, tone	Are the cure.	Trust old Clem
Down your moan,	Eat no few'r	Gentle gem.
And fling wide		
Your door; glide		

2

Можно ли обойтись без перевода?

Переводы используются повсюду — в Организации Объединенных Наций, в Европейском союзе, во Всемирной торговой организации и во многих других международных организациях, регулирующих важные аспекты современной жизни. Переводы — неотъемлемая часть современного бизнеса; вряд ли есть хоть одна крупная отрасль, где не используется перевод. Переводы стоят на наших книжных полках, они включены в списки литературы по всем учебным курсам, мы встречаем их на этикетках продуктов и в инструкциях по сборке мебели. Как бы мы обходились без переводов? Что толку гадать, в каком мире мы бы жили, если бы не постоянный и повсеместный перевод — от двуязычных инструкций на экране банкомата до конфиденциальных переговоров между главами государств и от гарантийного талона к только что купленным часам до произведений мировой литературы?

И все-таки без перевода можно было бы обойтись. Чтобы не возиться с переводами, можно выучить все нужные языки, или говорить всем на одном языке, или выбрать один язык для общения между носителями разных языков. А если неохота

ни использовать общий язык, ни учить чужие, можно просто игнорировать людей, которые говорят не так, как мы.

Эти три варианта довольно радикальны, и вряд ли какой-то из них отвечает чаяниям читателей этой книги. Однако это не просто воображаемые парадоксальные решения в сфере межкультурной коммуникации. Все три пути отказа от перевода встречались в истории человечества. Более того, с исторической точки зрения любой из них ближе к норме на нашей планете, чем та культура перевода, которая в наше время кажется естественной и неизбежной. На самом деле, хоть это особо не афишируется, многие страны прекрасно обходятся без переводов.

Жители полуострова Индостан издавна говорили на разных языках. Но при этом в Индии нет традиции перевода. До самого недавнего времени между урду, хинди, каннадой, тамильским, маратхи и другими местными языками не было прямых переводов. Однако носители всех этих языков столетиями жили бок о бок в этом густонаселенном регионе. Как же они обходились? Учили языки соседей! Мало кто в Индостане говорит лишь на одном языке; граждане Индии традиционно владеют тремя, четырьмя, а то и пятью языками [1].

В позднем Средневековье примерно так обстояло дело и во многих регионах Европы. Купцы и поэты, мореплаватели и путешественники в своих странствиях подхватывали и часто смешивали языки, родственные и не очень. Лишь немногие самые вдумчивые из них вообще задавались вопросом, говорят ли они на нескольких «языках» или просто приспособливаются к местным особенностям. Взаимопонятность и взаимозаменяемость европейских языков в позднее Средневековье наглядно видны на примере великого путешественника Христофора Колумба. Записи на полях книги Плиния Колумб делал на языке, который теперь считается

ранним вариантом итальянского, но открытым им в Новом Свете землям, таким как Куба, давал типично португальские названия; официальную переписку вел на кастильском испанском, но в своем бесценном путевом журнале писал на латыни; однако «тайную» копию журнала сделал на греческом; да еще, видимо, владел ивритом настолько, чтобы воспользоваться астрономическими таблицами Авраама Закуто, предсказать с их помощью лунное затмение и произвести большое впечатление на жителей Карибского региона. Должно быть, Колумб был знаком и с лингва франка (язык общения средиземноморских моряков и купцов со Средних веков и до начала XIX века, основанный на упрощенном синтаксисе арабского и на лексике, заимствованной в основном из итальянского и испанского), потому что употреблял некоторые характерные слова этого языка, когда писал на кастильском и итальянском [2]. Сколько же языков знал Колумб, когда в 1492 году бороздил океан? Как и в современной Индии, где носители разных языков до некоторой степени понимают друг друга, на этот вопрос нет точного ответа. Маловероятно, что Колумб воспринимал итальянский, кастильский и португальский как отдельные языки, потому что никаких учебников грамматики для них еще не было. Благодаря умению читать и писать на трех древних языках его можно считать образованным человеком. Но в остальном это был просто средиземноморский моряк, который говорил на языках, нужных ему для работы.

В наше время в мире говорят примерно на семи тысячах языков [3], и выучить их все никому не под силу. Реальный предел в любой культуре, сколь бы многонациональной она ни была, — пять-десять языков. Некоторые энтузиасты овладели двадцатью; отдельные фанаты, тратящие на изучение языков все свое время, заявляют, что владеют пятьюдесятью

или даже бóльшим числом. Однако и эти маньяки-полиглоты знают лишь ничтожную долю языков мира.

У большинства языков совсем мало носителей, именно поэтому многие языки оказались на грани вымирания. Если не считать горстки стран, в которых говорят на каком-либо из полудюжины «главных» языков мира, то мало где на планете люди говорят всего на одном языке. Например, на территории Российской Федерации в ходу сотни языков: славянских, тюркских, кавказских, алтайских и других, — но практически все носители этих многочисленных языков говорят и на русском. Сходным образом и большинство индийцев говорят на хинди, урду, бенгали, английском или одном из полудюжины остальных языков межнационального общения на полуострове. Для общения с подавляющим большинством жителей Земли совершенно необязательно знать все их родные языки. Нужно другое: выучить все местные языки межнационального общения — языки, которые люди учат, чтобы общаться с носителями других языков. Всего таких языков в мире около восьмидесяти. Однако, поскольку языки межнационального общения являются для некоторых (обычно очень больших) народов родными и поскольку многие люди владеют несколькими языками межнационального общения (один из которых может быть для них родным), не нужно учить все восемьдесят, чтобы разговаривать с большинством населения мира. Зная всего девять из них: китайский (1,3 млрд носителей), хинди (800 млн), арабский (530 млн), испанский (350 млн), русский (278 млн), урду (180 млн), французский (175 млн), японский (130 млн) и английский (от 800 млн до 1,8 млрд), вы сможете вести бытовые беседы (хотя, возможно, и не подробные переговоры или серьезные научные споры) с 4,5–5,5 млрд человек, то есть примерно с 90 % населения Земли. (На удивление большой разброс в оценке числа англоговорящих объясняется

сложностью определения понятия «говорить по-английски».) Добавьте индонезийский (250 млн), немецкий (185 млн), турецкий (63 млн) и суахили (50 млн), чтобы вышла чертова дюжина [4], и у ваших ног окажутся обе Америки, бóльшая часть Европы, от Атлантики до Урала, исламский полумесяц от Марокко до Пакистана, значительная часть Индии, широкая полоса Африки и все наиболее заселенные части Восточной Азии. Чего еще можно желать? [5] Переводчики уходят. Входят преподаватели языков. Состав исполнителей не особенно изменится, так что потеря рабочих мест в мировых масштабах будет ничтожна.

Если кажется, что с тринадцатью языками слишком много мороки, то почему бы всем не выучить один? Именно такой выход казался очевидным римлянам, которые не утруждали себя изучением языков покоренных народов, за единственным (хотя и крупным) исключением греческого. Древние римляне не проявили особого интереса к изучению этрусского, умбрского и кельтского языков, на которых говорили жители территорий, входящих теперь в состав Франции и Великобритании; германских языков племен, населявших северо-восточные окраины империи; или семитских языков Карфагена, который они стерли с лица земли, и колоний восточного Средиземноморья и черноморского региона. «В Риме поступай как римлянин» — то есть говори на латыни, и точка. Лингвистическая унификация империи имела далеко идущие последствия: и через тысячу лет после ее распада письменная версия языка римлян оставалась основным средством межкультурных коммуникаций в Европе. Имперское пренебрежение к отличиям других народов оказало Европе огромную услугу [6].

За последние полвека в большинстве отраслей науки произошла лингвистическая унификация того же масштаба. В разное время средством развития науки служили разные

языки: китайский, санскрит, греческий, сирийский, латынь и арабский — с античных времен до Средних веков, затем итальянский и французский во времена европейского Ренессанса и начала современного периода. В XVIII веке успехи Линнея в описании и классификации ботанических видов, а также химические исследования Берцелиуса сделали языком науки шведский, и около ста лет он занимал почетное место. Во многих отраслях продолжали использоваться английский и французский, но в XIX веке на сцену ворвался немецкий — благодаря новой химии, изобретенной Либихом и другими; а Дмитрий Менделеев, открывший периодический закон химических элементов, в конце XIX века ввел в семью интернациональных языков науки русский. В 1900–1940 годах научные публикации — часто в режиме острой конкуренции — появлялись на русском, французском, немецком и английском языках (шведский к тому времени из научного обихода ушел). Однако в 1933–1945 годах нацистские ученые-преступники дискредитировали немецкий язык, и после падения Берлина он начал терять статус международного языка науки. Кроме того, многие ведущие немецкие ученые были, конечно, сразу же вывезены в Америку и Англию, и в дальнейшем вели научную деятельность уже на английском. Французский стал медленно угасать, а русский, который расширил свою сферу использования после Второй мировой войны и по политическим причинам продолжал культивироваться до распада Советского Союза, покинул научную сцену в 1989 году. Остался один английский. Английский — это язык науки повсюду. Научные журналы, публикуемые в Токио, Пекине, Москве, Берлине и Париже, теперь либо полностью издаются на английском, либо содержат переводы на английский всех иноязычных статей. В любой точке мира научная карьера зависит от англоязычных публикаций. Даже в Израиле говорят, что Бог

не смог бы получить повышение ни на одном факультете Еврейского университета в Иерусалиме. Почему? Да потому что у него была всего одна публикация, и та не на английском. (Мне это утверждение представляется сомнительным. Поскольку пресловутая публикация была переведена на английский и даже напечатана в мягком переплете, это безусловно устранило бы препятствия на пути карьерного роста.)

Тем не менее прилагаются усилия к тому, чтобы позволить и другим языкам играть роль местных диалектов науки. Например, финансируемая американским правительством веб-служба WorldWideScience.org теперь обеспечивает поиск по неанглоязычным базам данных Китая, России, Франции и некоторых латиноамериканских стран, а также автоматический перевод результатов на китайский, французский, немецкий, японский, корейский, португальский, испанский и русский. Асимметрия между языками оригиналов и переводов наглядно демонстрирует карту стран, в которых делается наука в наши дни.

Причины, по которым английский занял в науке уникальное место, не вполне очевидны. В их число мы никак не можем включить прискорбное, но широко распространенное заблуждение, что английский проще других языков.

Однако объяснить выбор языка науки прямым результатом экономической или военной мощи — ни в исторической перспективе, ни в наше время — тоже нельзя. В трех случаях язык становился языком науки из-за достижений отдельных ученых, которые мировое сообщество не могло игнорировать (немецкий из-за Либиха, шведский из-за Берцелиуса и русский из-за Менделеева). Один язык потерял свое влияние из-за политического краха его носителей (немецкий). Похоже, происходит не навязывание одного языка, а исключение других в условиях, когда научному сообществу требуется средство международного общения. Английский выжил не потому, что

он лучше всего для этого подходит, а потому, что его ничто пока не вывело из игры.

Широкое распространение английского привело, в частности, к тому, что на нем теперь говорят и пишут в основном те, для кого он не является родным; «носители английского» ныне составляют меньшинство среди его пользователей. Большинство английских текстов, написанных неанглоязычными представителями естественных и социальных наук, практически непонятно неспециалистам — простым носителям английского, хоть те и воображают, что должны понимать все, что написано на английском. Международный научный английский настолько неуклюж и «ненормативен», что даже неносители способны его высмеять:

Недавние наблюдения Unsofort & Tchetera, показавшие, что «чем дольше кидать помидоры в сопрано, тем больше крику», и компаративные исследования в отношении асфикс-реакции (Otis & Pifre, 1964), икоты (Carpentier & Fialip, 1964), мурлыканья (Remmers & Gautier, 1972), НМ-рефлекса (Vincent et al., 1976), чревоуращения (McCulloch et al., 1964), криков, воплей, визгов и других истерических реакций (Sturm & Drang, 1973), обусловленных бросанием помидоров, а также капусты, яблок, тортов, ботинок, вызовов и оскорблений, позволяют с уверенностью делать вывод о наличии позитивной ответной организации ВР, основанной на полулинейной квадрантабельной мультикоммутационной интердигитализации нейронных подсетей, функционирующих в условиях дизордера (Beulott et al., 1974) [7].

Несмотря на все насмешки и пародии, международный научный английский служит важной цели и вряд ли бы выжил, если бы служил этой цели недостаточно успешно. В каком-то

смысле английский помогает обойтись без перевода (даже если во многих случаях автор переводит на него со своего родного языка). И если естественные и социальные науки сумели выработать общемировой язык, каким бы нескладным он ни казался, то стоит попытаться достичь этого и в других видах человеческих контактов и обмена информацией. В середине прошлого века критик и реформатор А. А. Ричардс заявил, что Китай сможет объединить свои усилия с другими странами, только если перейдет на международный язык, бейсик-инглиш, где *Basic* — это аббревиатура для *British-American-Scientific-International-Commercial English* (британско-американского научного международного коммерческого английского). Бейсик-инглиш, как подсказывает его название, основан на упрощенной английской грамматике и ограниченном словаре, пригодном для технических и коммерческих целей. Глубоко убежденный в своей правоте, Ричардс во второй половине жизни посвятил много сил организации, развитию и пропаганде контактов между Востоком и Западом на основе этого утопического языка. В какой-то степени он шел по стопам Лазаря Заменгофа, еврейского мыслителя из Белостока (ныне находящегося на территории Польши), который тоже избрал язык надежды, эсперанто, призванный, по его мнению, избавить мир от хаоса и ужасов, порожденных многоязычием. Вообще, в XIX веке — вслед за подъемом в Европе национально-освободительных движений, основанных на общности языка, — придумали массу международных языков. Все они, кроме эсперанто, потеряли свое практическое значение. Эсперанто же и сейчас используют несколько сотен тысяч человек, разбросанных по всему миру, — однако в основном не в научных или торговых, а в культурных целях: для перевода на него стихов, прозы и пьес с местных языков на радость другим эсперантистам.

Народная память о том, какую роль играла латынь в Средние века и позже, у современных европейцев, похоже, в крови. Латынь и в новое время отчасти продолжала служить носителям «малых» европейских языков средством международного общения. Антанас Сметона, последний президент Литвы до того, как ее захватили советские, а затем нацистские войска в 1941 году, воспользовался латынью для своего безуспешного обращения за помощью к Союзникам [8]. А с другого берега Балтийского моря выпуск новостей на латыни и сейчас ежедневно транслируется по веб-радио из Хельсинки.

Если языковая унификация когда-нибудь и произойдет, то в основе ее, вероятно, будет лежать не латынь, эсперанто, волапюк или какой-то пока не изобретенный язык, а язык, который уже имеет большую фору на старте. И возможно, это будет не тот язык, у которого больше всего носителей (сейчас это мандаринский китайский), а тот, на котором говорит больше всего неносителей (в настоящее время это английский). Эта перспектива многих пугает и огорчает по целому ряду причин. Однако в мире, где межкультурные коммуникации будут происходить на едином языке, число языков не сократится. Просто речевая практика носителей единого языка окажется наиболее скудной, потому что они будут думать всего на одном языке.

Второй язык, или язык межнационального общения, учится быстрее, чем родной, но и забывается легче. За последние пятьдесят лет английским в той или иной степени овладели миллионы жителей континентальной Европы, и теперь это единственный общий язык для носителей разных языков, например в Бельгии или на Кипре. С другой стороны, русский, который до 1989 года понимали и использовали образованные люди всех стран из сферы влияния СССР, от Балтики до Балкан и от Берлина до Внешней Монголии, очень быстро

забывается, а там, где он не забыт полностью, используется по большей части лишь для контактов с иностранцами. Если языковая унификация в XXI веке продолжится, ее судьбу будут определять не свойства или природа объединяющего языка или тех языков, которые он заменит, а будущий ход мировой истории.

Помимо владения несколькими языками и языковой унификации, есть еще третий путь, позволяющий обойтись без перевода: поменьше обращать внимания на другие культуры, сосредоточившись на собственной. К изоляции стремились многие общества, и некоторым почти удалось ее достичь. Япония в эпоху Эдо (1603–1868) ограничила свои контакты с иностранцами общением с горсткой предприимчивых голландцев, которым было разрешено открыть торговую факторию на острове в заливе Нагасаки, и с китайцами. В Европе «блестящей изоляцией» зачастую упивалась Великобритания. В газете «Таймс» от 22 октября 1957 года появился знаменитый заголовок: FOG IN CHANNEL, CONTINENT CUT OFF — «Над проливом туман — континент отрезан». Но это была скорее поза, чем реальность. Иначе обстояло дело с крошечной Албанией. Энвер Ходжа, коммунистический лидер страны в 1944–1985 годах, сначала в 1948 году разорвал отношения с ближайшим соседом — Югославией, потом, в 1960-м, — с Советским Союзом, а затем, в 1976-м, — с маоистским Китаем. После этого Албания долгие годы оставалась в полной изоляции; одно время, в начале 1980-х, во всей стране находилось лишь несколько иностранцев (включая дипломатов) [9]. Телевещание было настроено таким образом, чтобы исключить прием передач извне; переводились только книги, подтверждавшие официальное мнение Албании о ее положении в мире (а таких было немного); иностранные книги не импортировались; торговые связи были так же ограничены,

как культурные и языковые; заграничных займов не было. Албания, расположенная буквально на пороге Европы, в двух шагах от туристического Корфу и от еще более роскошных курортов итальянской Адриатики, полвека провела в добровольной изоляции; вот пример того, что порой довольно большие сообщества готовы добровольно отказаться от межкультурного обмена.

Мечта об изоляции принимает разные формы, и ее тень то и дело прослеживается в многочисленных рассказах антропологов о людях, живших в разных уголках света до изобретения письма. Жорж Перек в своей книге «Жизнь способ употребления», отчасти пародируя научные публикации такого рода, посвятил главу 25 описанию жизни Марселя Аппенцелла, вымышленного ученика реального Марселя Мосса. Аппенцелл отправляется в джунгли Суматры, чтобы установить контакт с племенем анадаламов (кубу). После изнурительного путешествия по тропическому лесу Аппенцелл наконец находит племя. Анадаламы не вступают с ним в разговоры. Разложив традиционные, как ему кажется, подарки, он засыпает, — а проснувшись, обнаруживает, что анадаламы исчезли. Оставив его подарки нетронутыми, они забрали весь скарб из своих хижин и ушли. Он следует за ними по джунглям, догоняет и снова повторяет свои действия, считая, что именно так можно завязать общение с этими «доконтактными» людьми. С тем же результатом. Они уходят. И так продолжается неделя за неделей, одна тяжелее другой, пока этнограф не осознает, что анадаламы не хотят общаться ни с ним, ни с кем-либо еще. И это их право. Да, народ вполне может предпочесть автаркию контактам. Кто мы такие, чтобы осуждать его выбор?

Однако в пересказе Перека анадаламы помимо гордости и самодостаточности символизируют языковую и культурную энтропию. Они владеют несколькими металлическими